
УДК 81'246.2

ББК 81.001.91

Б 14

Багирокв Х. З.

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: bagirikov@adygnet.ru

**Художественный билингвизм
как полилингвальное пространство:
к постановке проблемы
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматривается би- и полилингвальная ситуация в адыгском языковом пространстве, которая повлияла на формирование языковой картины мира адыгов исторической родины и зарубежья, что вызвало усиление коммуникативных взаимодействий и поиск самоидентификации этноса в условиях глобализации. Тем не менее, на современном этапе остается не исследованным процесс функционирования адыгейского языка в полилингвальных условиях

Ключевые слова:

Билингвальная личность, полилингвизм, родной язык, функционально активный язык, мышление, языковой знак.

Bagirokov Kh. Z.

Doctor of Philology, Professor of Russian Philology Department, Adyghe State University, e-mail: bagirikov@adygnet.ru

Art bilingualism as the multilingual space: the problem statement

Abstract:

The paper discusses the bilingual and multilingual situation in the Adyghean language space, which affected the formation of a language picture of the world in the Adyghees of the historical homeland and abroad and caused strengthening communicative interactions and search for ethnos self-identification in the conditions of globalization. Nevertheless, at the present stage the functioning of the Adyghean language in multilingual conditions is still poor studied.

Keywords:

Bilingual personality, multilingualism, native language, functionally active language, thinking, language mark.

Современная лингвистика, оперируя понятием «языковая личность» в различных ее ракурсах, приближается к решению комплекса вопросов, входящих в понятие «билингвальная личность». Подходя к художественному билингвизму с культурологических позиций, ученые основываются на положении о том, что «всякая культура нового времени – это открытая система. Если она закрыта, этнос обречен»

[1: 51]. Проблемы и перспективы би- и полилингвального обучения становятся все более актуальными в Республике Адыгея. Решением проблемы становится выработка новых подходов в деле формирования поликультурной личности и видится в переосмыслении сложившегося в языкознании подхода к феномену билингвизма.

По нашему мнению, ситуация, отвечающая интересующим нас требованиям, складывается только в одном случае: при создании художественного текста билингвальной языковой личностью, с включением в него (в том или ином виде) дефиниций «ментальных фразем» (по Ахиджаковой М. П.), относящихся к языку иному, например адыгейскому. Писатель-адыг, создающий произведение на конкретном национальном языке, намеренно вносит в художественный текст «ментальные фраземы»: ... *тцлы уусыцтмэ лагъэм тельхъ...* – «... хочешь обманывать - вали на мертвого...»; ... *ышхырэрцагэмдахьэрэп...* – «...то, что ест, не доходит до ребер...»; ... *ытаклэклэ мэгушло...* – «...улыбается усами...», ... *лэбэкъулые пфишлыцтэ...* – «...лишнего шага не сделает...»; ... *тцлым ыльакъо клако...* – «у неправды ноги коротки», ... *шыдахэрчъэрэп...* – «...конь красив, но скачет плохо...»; ... *цэмыстыгъэрцхыуменицэ...* – «тот, кто обжегся молоком, дуэт на кефир»; ... *цлыф псэхал...* – «...человек с засохшей душой, убогий человек...», ... *цытхъупсыркыбрагъэчъэхы...* – «...хвала чересчур...». В языковом пространстве героев Т. Керашева функционируют следующие «ментальные фраземы» (паремические конструкции): «*В неначатом деле змей сидит*», «*Чем много прожить, лучше много повидать*», «*Раз ты человек, не роняй голову!*», «*Неважно, что нарядно одет, важно, что опрятно*», «*Если родится мужчиной, пусть не теряет достоинства своего народа*» [5: 225].

В художественных текстах адыгского языкового пространства функционируют «ментальные культуремы» (термин наш - Х. Б.) внутри «ментальных фразем»

джынэхэр (духи), *блэгъожъшьхьибл* (семглавый дракон), *иныжънэзакъу* (одноглазый великан), *атэкъэи* (петух-конь) и др. «Ментальные фраземы» вводятся в ткань художественного текста билингвальной языковой личности как своеобразные семантические скрепы: *Е уллын, е уллэн зыфалуагъэр мыщфэдэ члынлэ ушэтынл алоба* – Не о таком ли испытании сказано: или будь мужествен, или умри; ... *мээрэчэцрэуишгъэф ащымылуа-лоцтыгъэ, ау шгъэф лотанлэу ялагъэр хьаклэц зэгъоклыр арыгъэ...* – ...рассказывать свои тайны принято было в пустой кунацкой, но не в лесу и не ночью...; ... *шлүлэгъур лыгъэм фэдэкъабз, лахь мыгоц. Шгъоури лэшлу, аузыгуримыхь-рэмышхырэн...* – ...Любовью, как и мужеством, не поделишься. И мед сладок, да не все его любят..., «...*Имынэлосэмэ шлагъогорэкъеугъ плонэу, нэпцэлужьбу шуцлэхэркэныбжъыклагъэхошлэ дэмышлэу...*» – ...Неожиданно помолодели черные густые брови, будто услышал незнакомый приятный запах... [5: 328]. Так, Т. Керашев в художественный текст вводит «ментальную мифологему» (термин наш – Х. Б.), функционирующую внутри «ментальной фраземы»: «*О Мазитх! Прошу облегчить мой путь, убережь от дурных людей и злых зверей. Помогни мне одолеть врагов!*» (Ерстэм Залоко обращается к языческому божеству, покровителю леса). Это остатки языческой мифологии. В художественный текст «Дорога к счастью» Т. Керашев вводит «ментальную лексему» *джегуако*, который обращается к девушке Куляц: «...*Уи-уи-уиу! Взглянем в сторону Наджсхабль, увидим там девушку одну, белое у сороки – цвет ее тела, черное у сороки – цвет ее волос, поступь лани – ее походка, крылья ласточки – брови ее! Прекраснейшая из всех существ, одаренных глазами и бровями...*» [5: 74].

Таким образом, «ментальная фразема», «ментальная лексема», «ментальная мифологема», функционирующие в художественном тексте билингвальной

языковой личности, способны создавать контраст остальной части текста. Кроме того, эти ментальные языковые единицы художественного текста указывают на иную культуру, традицию, менталитет (индексальная функция), которой произведение (автор) естественным образом принадлежит. Эти ментальные единицы относятся к адыгским языкам, отличным от языка оригинала, и их употребление создает прецедент «классического» художественного билингвизма в его когнитивном и культурологическом понимании.

В адыгских художественных текстах билингвальной языковой личности наблюдаются и такие факты, когда автор в своем творчестве полностью переходит на второй язык: Аскер Евтых, А. Хагуров (на русский язык), Сейфетдин (Хатков), Тарик Мумтаз Гезтепе (Хагур), Рашид Ростом (Амафук), Кандур Мухадин Иззет и др. (на арабский язык), Ахмед Мидхат (Хагур) (на турецкий язык), Кадыр Натхо (на английский язык) и т.д. Становится заметной даже в названиях произведений писателей исторической родины и черкесского зарубежья этническая принадлежность автора. Вот лишь некоторые художественные тексты адыгского языкового пространства, написанные на втором языке – инструменте творчества: «Кавказ» (название романов А. Мидхата, О. Челика, О. Бююки, М. Кандура), «Черкесские дворяне» (А. Мидхата), «Жабаги Казанко», «Кафа» (О. Челика), «Гибель Сосруко», «Сосруко во мгле» (З. Апщацэ), «Жан» (Р. Рушди), «Черкесы. Балканская история» (М. Кандура), «Орлы, или как адыги покидали свою родину» (С. Харатока), «Черкесский характер» (М. Сами аль - Баруди), «Моя черкешенка» (Ф. Ката), «Черкессия – любовь моя» (Д. Авджи), «Глоток родниковой воды», «Бычья кровь», «Улица во всю ее длину» (А. Евтыха) и т.д. Таких вторых языков обычно не бывает больше одного, хотя случаи создания автором художественных текстов на нескольких национальных языках, отличных от первого, истории литературы известны.

На современном этапе развития адыгского языкового пространства не исследованной является ситуация функционирования адыгейского языка в полилингвальных условиях (адыгейско-русский, адыгейско-турецкий, адыгейско-арабский и др. билингвизм). Проблема этнической самоидентификации адыгского этноса выдвигает ряд нерешенных теоретических задач, среди которых проблема родного языка и овладение вторым для носителя билингвизма. За отправную цифру в количестве языков в речи билингва мы принимаем два языка, называя их родным и функционально активным языком (ФАЯ). Таким образом, мы подходим к проблеме соотношения языка и мышления, сознания и языка, поскольку эти две философские категории, связанные с психической деятельностью человека, неотделимы друг от друга. Мышление как психический процесс не обладает множественной структурой; оно неразделимо на части, виды или подвиды. Мышление неделимо вообще. Как в таком случае соотносится понятие единства мышления с идеей множественности, вариантности форм языкового выражения (множественности языков) при билингвизме? При всей сложности вопроса о билингвальном мышлении, требующего специального исследования со стороны лингвистов, методистов, социологов, социолингвистов, культурологов и философов, мы попытаемся дать ответ с позиций теории языкового знака (кода) как коммуникативной единицы двойственной природы, объединяющей в себе материальную и духовную (идеальную) компоненты.

Языковой код при выделенных нами типах билингвизма - семейном, социальном (массовом), профессиональном (групповом) и художественном [2], – будет отличаться рядом характеристик, всякий раз реализуемых в конкретной коммуникативной ситуации. Рассмотрим представленные характеристики последовательно.

Исходным положением в данном случае может служить замечание Л.В.

Щербы о том, что лица-билингвы знают не два языка, но лишь один, «в котором каждому значению соответствуют два способа выражения, употребляющиеся один вместо другого» [3: 40 - 53]. С этим наблюдением соотносится следующая мысль У. Вайнрайха: «В том случае, когда между семантемами контактирующих языков устанавливается межъязыковая идентификация, двуязычный получает возможность интерпретировать те два знака, семантемы (означаемые), которые он отождествляет как один составной знак, имеющий одно обозначаемое и два обозначающих - в каждом языке свое [4: 46]. Отсюда следует, что билингв пользуется особым типом языкового кода, который обладает одним означаемым, но двумя формами выражения, то есть означающими, и из этих двух означающих всегда избирается только одно, в зависимости от социалингвистической ситуации, и этим не ограничивается. Дело в том, что оба означающих, в отличие, скажем, от двух внутриязыковых синонимичных форм, также выражающих близкие значения, теперь принадлежат двум разным национальным языкам, то есть разным, несоотносимым друг с другом семиологическим системам (адыгейскому и русскому и др.). Из этих двух систем одна будет пользоваться привилегированным положением в сознании изучающего и говорящего. В связи с этим не следует искать некоего идеального, «снятого», оторванного от языка означаемого, которое бы в равной степени соотносилось с обоими означающими и исчерпывалось ими. Такое означаемое, выполняющее в знаке роль денотата, также только одно, и обнаруживается оно в смысловой сфере родного для билингва языка. Знаковая конфигурация «два означающих-одно означаемое» актуализируется не всегда.

Рассматривая билингвизм с этих позиций, мы обнаружим, что языковой код будет также различным «внутри», в рамках билингвизма, и различия эти

обнаруживаются не только на уровне означающих (здесь они очевидны), но и означаемых, причем не столько как их естественное равенство / неравенство, сколько в отношении к ним говорящего субъекта. Так, для социального билингва важно, прежде всего, быть адекватно понятым: переключаясь с одного языкового кода на другой, он стремится к точной и естественной, «комфортной» для себя и окружающих форме общения. Социальный билингв может также иметь определенные предпочтения, лежащие в плоскости того или иного национального языка (адыгейского, русского, турецкого, арабского и т.д.), которые, по его мнению, позволяют ему более точно выражать мысли, чувства, отношения, но ориентируется на говорящее в данный момент окружение, социум: *Русик, вечером звонить къэтиШьцта?* - Русик ты позвонишь вечером?; *Сшыпху третье классымис* - Моя сестра учится в третьем классе; *Пять минут къэнагъ до звонка* - Пять минут осталось до звонка. Такое явление наблюдается у детей-билингвов тогда, когда он ищет подходящее слово, но ему не удается быстро его отыскать, или думает, что его не понимают.

Постоянной «заботой» билингвальной личности является поиск - в процессе речи - таких форм выражения (то есть таких означающих), которые бы максимально соотносились по своему содержанию с формами выражения, принятыми в текстах другого языкового кода (разумеется, этим другим будет базовый язык индивида, то есть его родной язык). Таким образом, переводчик и преподаватель заняты решением задачи соотнесения означаемых, поиском предельных соответствий, часто воспринимаемых как совпадения между ними, и подбором, подстановкой соотносимых с ними означающих. В процессе речепорождения, который доводится до автоматизма, естественными становятся интерферентные нарушения, которые выдают «речь иностранца» и традици-

онно объясняются действием межъязыковой интерференции на фонетическом, лексико-семантическом, морфологическом и других уровнях. На первое место теперь выдвигается ценность означающего в языковом коде, которое принципиально противопоставляется означающему родного языка и не соотносится с ним, не «временно подменяет», но полностью исключает и замещает его собою.

С развитием адыгского языкового пространства возрастает интерес к языку, культуре, обычаям и традициям. Стоит проблема расширения и укрепления связей с адыгами, живущими в других регионах страны, а также зарубежными адыгами (адыги в настоящее время проживают почти в 50-ти странах мира – Турции, Сирии, Иордании, Германии, США, Израиле и т.д.). Их численность достигает почти пяти миллионов. С этим связано полилингвальное существование адыгейского языка, поэтому выдвигаются разные предложения по созданию единого для всех адыгов алфавита. Если адыгская диаспора в Европе, США, Австралии и Турции пользуется латиницей, то адыгам, живу-

щим в арабских странах, предпочтительнее было бы письмо на арабской графической основе. Однако адыгская диаспора, находящаяся за рубежом, не обучается и не пишет на адыгских языках. Целостная картина мира адыгского языкового пространства не является сугубо этнической, она представлена языковыми зонами: адыгско-русской, адыгско-турецкой, адыгско-арабской и т.д. Языковая картина адыгов получает полилингвальное пространство, в котором выделяем адыгейско-русское билингвальное ядро, представленное на исторической родине. На современном этапе интерес лингвистов к проблемам языкового сознания в билингвальном художественном тексте возрастает [5]. Наиболее социально значимой сферой для языкового развития является сфера образования, поэтому именно здесь мы должны формировать языковую компетенцию билингвальной личности, которая создаст предпосылки для функционирования адыгейского языка в различных сферах общения, в изменившихся полилингвальных условиях.

Примечания:

1. Есаджанян Б. М. К проблеме определения «билингвизм» и «билингвальное обучение» // Мир русского слова. 2003. № 4. С. 51 – 54
2. Багировов Х.З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков) Аскер Евтых - писатель и пророк. URL: <http://agulibadygnet.ru>.
3. Щерба Л.В. О понятии «смешение языков» // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. Т. 1. С. 40-53.
4. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и перспективы исследования. Киев: Вища шк., 1979. 46 с.
5. Багировов Х.З., Блягоз З.У. Реализация когнитивных механизмов в билингвальном художественном тексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2012. Вып. 1. С. 188-192.

Литературные источники:

1. Керашев, Т.М. Дорога к счастью: роман / Т.М. Керашев. – Майкоп: Адыгна-циздат, 1969. – 225 с.

References:

1. Esadzhanyan B.M. On the problem of definition of «bilingualism» and «bilingual education» // The World of a Russian word. 2003. No. 4. P. 51-54
2. Bagirokov Kh.Z. Bilingualism: theoretical and applied aspects (based on the Adyghe and Russian languages). Asker Evtykh as a writer and a prophet. URL: <http://agulibadygnet.ru>.
3. Shcherba L.V. On the concept of «confusion of languages» // Shcherba L.V. Selected works on Linguistics and Phonetics. L.: LGU Publishing house, 1958. V. 1. P. 40-53.
4. Weinreich U. Language contacts: a state and research prospects. Kiev: Vishcha shk., 1979. 46 pp.
5. Bagirokov Kh.Z., Blyagoz Z.U. Realization of cognitive mechanisms in the bilingual literary text // The Bulletin of the Adyghe State University. Series Philology and the Arts. 2012. Issue 1. P. 188-192.

Literature:

1. Kerashev T.M. The way to happiness: a novel / T.M. Kerashev. – Maikop: Adygnatsizdat, 1969. – 225 pp.